

автора, курыканы, как тюркоязычный народ, перестали существовать на этой территории довольно рано: уже в X—XI вв. население здесь подверглось монголизации. Об этом автор заключает из сравнения инвентаря Сэгэнутского могильника (как раз этого в ремени), заключающего в себе, по словам автора, инвентарь, резко отличающийся от форм прежней курумчинской культуры. Он полагает поэтому, что «тюрков-курыканов на Верхней Лене сменили какие-то древние монголы» (стр. 329—330). Эти-то «древние монголы», вклинившись хронологически между прежними курыканами и позднейшими бурятами, разорвали прямую историческую связь между теми и другими. Однако какие данные есть у А. П. Окладникова, чтобы так уверенно говорить о монголизации населения Западного Прибайкалья еще в X—XI вв.? Изменение форм материальной культуры, в частности, погребального инвентаря еще ничего не говорит по этому поводу: такие изменения возможны ведь и без смены языка. Говорить же о монголизации Западного Прибайкалья в это раннее время, думается нам, очень трудно. Ведь известно, что монголизация самой Монголии началась лишь в X в.,— до этого по всей Монголии господствовала тюркская речь. Распространение в этой стране монгольского языка было связано, повидимому, с киданским завоеванием,— впрочем, даже и монголизм киданей признается не всеми исследователями. Очень трудно предположить, что сила экспансии монголоязычных племен, до этого почти неизвестных, оказалась сразу так велика, что в том же X в. они сумели ассимилировать и население Западного Прибайкалья. Другое дело — XIII в., эпоха Чингис-хана и его преемников. В это время сама Монголия была давно и прочно монголизована, все Прибайкалье вошло в орбиту политического влияния новосозданной империи; более естественно предположить, что монголизация населения и этой страны произошла в эту эпоху.

Сам автор признает — и даже подчеркивает — наличие значительных языковых связей между западными бурятами и якутами (несмотря на принадлежность первых к монгольской, вторых — к тюркской семье языков), а также заметную общность антропологического типа (стр. 335). Казалось бы, это обстоятельство должно бы побудить А. П. Окладникова признать более близкую историческую связь между курыканами и бурятами,— ведь с его же точки зрения именно курыканы должны считаться посредствующим звеном между якутами и бурятами. Однако автор, видимо, не придает особого значения этой связи. Хотя он и признает, что «на Лене долгое время еще продолжали обитать какие-то потомки древних курыканов» со своими культурными традициями (стр. 333),— но, видимо, предками бурят он их не считает. Он говорит, что буряты, возможно, «з а и м с т в о в а л и» элементы оседло-земледельческой культуры «у своих п р е д ш е с т в е н н и к о в» — курыканов (стр. 334), вместо того, чтобы сказать, что буряты «у н а с л е д о в а л и» земледельческую культуру «от своих п р е д к о в» курыканов.

Очень трудно согласиться с некоторыми взглядами автора на самое время переселения «южных» предков якутов на Среднюю Лену. Опираясь на одно из преданий, записанное Яковом Линденау, А. П. Окладников предполагает, что «последняя и самая важная» составная часть якутского народа («люди Эллея») переселилась из Прибайкалья на Среднюю Лену всего за два поколения до известного Тыгына (жившего в годы появления на Лене русских, т. е. около 1630 г.); иначе говоря, он относит это последнее большое движение предков якутов с верховьев Лены к началу XVI в. (стр. 380 сл.). Это весьма мало правдоподобно. Известно, что генеалогические предания народов далеко не всегда представляют собой такой надежный источник, особенно в том, что касается счета поколений; совсем не редкость, что хранящаяся в памяти генеалогия искусственно удлиняется путем вставления фиктивных имен; еще легче она может укорачиваться вследствие забвения тех или иных имен предков. Разные варианты записанных генеалогий Тыгына дают весьма различное количество поколений между Тыгыном и его предком Эллеем; почему же самым достоверным вариантом должен считаться самый короткий? С другой стороны, известно, что уже в момент прихода русских степень этнического, языкового, культурного единства якутского народа была весьма велика; вряд ли можно предполагать, что формирование этого народа происходило или заканчивалось всего за два поколения перед тем.

Не слишком убедительно и мнение А. П. Окладникова о ведущей роли племен кангаласов в этногенезе якутов (стр. 380). Кангаласы были многочисленным и сильным племенем, но нет никаких доказательств, что именно они были «основными носителями тех южных культурных элементов, включая и тюркскую речь, которые прочно определили основной характер позднейшей якутской культуры». Думается, что автор здесь сильно переоценивает культурную и этническую роль кангаласов.

Какая-то неясность допущена автором в использовании одного из якутских преданий. Если верить ему, в числе предшественников якутов на Лене были какие-то («загадочные» по автору) «сахалырь» (стр. 378). Но ведь слово «саха», «сахалар» — это и есть самоназвание якутов. Ясно, что здесь налицо путаница, вкравшаяся при записи или при переводе предания.

Не будем перечислять некоторых других подобного же рода неточностей, оставим в стороне и отдельные не вполне убедительные положения. Они несущественны. Большая часть их касается материала, заимствованного автором из той или иной смежной для него отрасли знания — из языка, из этнографии. Местами в этих вопросах автор заплатил дань марризму, долго владевшему умами некоторых наших ученых, впрочем, дань не очень значительную (стр. 162, 201).

Подобные недочеты с избытком окупаются огромной ценностью изложенного в книге А. П. Окладникова материала, глубоко продуманного и прекрасно поданного.

Как особое достоинство книги следует отметить, в частности, именно блестящий литературный стиль изложения. Автор — мастер русского литературного языка, и читать его текст с этой стороны порой просто приятно. К числу немногочисленных погрешностей стиля можно отнести разве одну постоянную ошибку (к сожалению, очень часто многими допускаемую): употребление русских местных названий среднего рода как несклоняемых. Автор пишет: «очаг, найденный в Макарово» (стр. 48, то же стр. 49), «рисунок из Шишкино» (стр. 39), «вблизи Шишкино» (стр. 83) и т. п. Автор должен был бы знать, что и эти и все другие слова — неиностранного происхождения — в русском языке прекрасно склоняются.

В общей сложности следует приветствовать столь удачное начало большого и важного издания — истории Якутии. Судя по этому началу, Якутская АССР получит не менее солидный обзор ее исторического прошлого, чем аналогичные издания целого ряда других советских республик.

С. А. Токарев

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА В «УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ» УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДИНСТИТУТОВ

Большинство археологических статей, появившихся за последние два года, посвящено изучению древнейшего периода нашей Родины. Все археологические памятники, независимо от того, открыты ли они давно или только что раскопаны, изучаются авторами статей не вещеведчески, а исторически, вследствие чего археологические статьи у нас стали неотъемлемой частью исторических выпусков «Ученых записок». Как положительный факт следует отметить выпуск Ленинградским университетом специального тома «Ученых записок» (1949 г., вып. 13), посвященного археологии. Основным недостатком некоторых археологических статей является то, что отдельные археологи изучали материал, исходя из порочной теории Марра о «стадиальности». Далеко не все статьи снабжаются графическим материалом, крайне необходимым в археологических работах. На страницах «Ученых записок» хотелось бы также видеть статьи, посвященные методике археологических работ.

*Ученые записки Московского университета, 1950, вып. 143. Труды
кафедры древней истории и археологии*

В. Д. Блаватский, *Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье* (стр. 126—150).

Работа посвящена очень важному вопросу крепостного строительства, организации обороны и осады в городах Северного Причерноморья. Статья построена главным образом на археологическом материале и, по словам автора, представляет собой лишь попытку «собрать материалы по фортификации в античных городах нашего Юга, отнюдь не претендуя ни на исчерпывающую полноту, ни на решение всех вопросов, с ними связанных» (стр. 126).

Автор детально исследует топографические условия античных городов и их связь с оборонительными сооружениями. Фортификация рассматриваемых городов — Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории и других — стояла в IV—III вв. до н. э. на особенно высоком уровне. Подчеркивается, что строители не придерживались шаблона, применяясь в каждом отдельном случае к местным условиям.

Интересным и оригинальным представляется замечание автора об учете экономических интересов города при возведении оборонительных сооружений Херсонеса. «Все отмеченные нами затруднения, возникшие в результате вынесения укреплений города на юго-восток за пределы удобной границы (мельководный западный рукав Карантиной бухты), херсонесцы не могли не учитывать. Однако в данном случае экономические интересы жившего торговлей портового города превышали все остальное и побуждали отказаться от использования рубежа, более благоприятного в военном отношении» (стр. 129).

В статье рассматривается вопрос о том, на чьи средства и под чьим наблюдением возводились оборонительные укрепления. В Херсонесе и Ольвии они строились на средства богатых граждан, магистратов, на Боспоре в строительстве принимали участие высшие сановники царя (141—142).

На основании чрезвычайно скудных сведений В. Д. Блаватский сумел восстановить отчасти и систему гарнизонной службы. Земляные укрепления — валы и рвы — рассматриваются как мало свойственные грекам оборонительные укрепления (стр. 131, 144 сл.) «Использование их для защиты обширных территорий Керченского полуострова невольно заставляет вспомнить о сооружениях обитателей наших степей, примером чему может служить грандиозное „Бельское городище“. Нужно думать, что боспорские эллины в данном случае воспользовались опытом туземных приемов фортификации. Это предположение тем более вероятно, что наряду с эллискими городами, обнесенными стенами, мы знаем немало античных поселений, особенно в восточной части Боспорского царства (на Таманском полуострове и в низовьях Кубани), укрепленных валами» (стр. 144). Относительно датировки оборонительных валов на Керченском полуострове автор ограничивается предположением о том, что крайний западный вал являлся боспорским сооружением, построенным Асандром, два других — воздвигнуты предшественниками греков (стр. 144).

Статья В. Д. Блаватского дает не только материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье, но в ряде случаев углубленный анализ и объяснение системы оборонительных сооружений, организации осадного дела и т. д. Досадно, что автор несколько ограничил себя в изложении своих суждений по каждому из затронутых им вопросов. Следовало бы также сопроводить статью схематическими чертежами и планами.

Ученые записки МГУИ им. Потемкина, 1950, том XIII, вып. 2

А. С. Башкиров, *Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г.* (стр. 133—176).

В предисловии автор совершенно правильно заострил внимание читателя на том, что при изучении Таманского полуострова встают два вопроса: «античный (римский)

ско-скифо-сарматский и эллинский) и средневековый (алаво-славяно-русский и, в частности, Тмутараканский)» (стр. 135). Наиболее тщательному изучению подвергается античный период, несправедливо меньшему — доисторический период и период славяно-русский. Вместо введения автором дается далее краткий очерк исследования 1928 г. Экспедицией этого года было обследовано городище на северном берегу Таманского залива, отождествляемое с городищем Патрэй, находившемся на территории современного Запорожского зерносовхоза.

В результате проведения небольшой разведочной траншеи были добыты материалы, свидетельствующие о непрерывной жизни городища с VI—V вв. до н. э. до XII—XIII вв. н. э. Особенно интересным открытием являлась глинобитная оборонительная стена акрополя, имевшая толщину до 3 м. Непосредственно к оборонительной стене примыкало подпольное помещение, в котором сохранился черноглиняный пифособразный сосуд высотой в 1,05 м. При исследовании городища в 1928 г. были добыты образцы раннеславянской керамики.

Раскопки 1948 г. продолжали работы 1928 г.: были открыты новые части глинобитной оборонительной стены, фундаменты и вымостки сооружений средневекового времени. Открытый материал имеет особый интерес для решения славяно-русской проблемы на Таманском полуострове. К более древнему периоду относятся боспорские монеты, свидетельствующие о большой близости Патрэя античного времени к столице Боспорского государства — Пантикапею (стр. 148). Другим крупным объектом исследования 1948 г. была винодельня римского времени, находящаяся в нижнем городе, в 100 м от холма-акрополя к востоку, частично в береговом обрыве. Винодельня представляла собой целый комплекс, состоящий из пяти площадок: двух в южной части, двух — в северной и одной западной, находящейся между ними. Они были объединены системой каналов с центральным приемником виноградного сока в виде чанов или пифосов. Сопровождающий керамический материал и фрагменты полихромной штукатурки датируют винодельню II в. н. э. Винодельня, по мнению автора, входила в комплекс большой усадьбы винодела, которая имела жилые постройки со стенами, богато покрытыми полихромной и полированной фреской (стр. 154). По подсчетам автора, винодельня в нормальный сезон могла выработать до 1 200 ведер вина. В обрывах берега были обнаружены также еще две, более мелкие винодельни. Открытия 1948 г. свидетельствуют, таким образом, о том, что район Патрэя в древности был богат виноградарскими, в наше время почти исчезнувшими.

В качестве приложения к статье дается обзор памятников античных и славяно-русских, хранящихся в Таманском музее. Кроме того, работа очень полно иллюстрируется чертежами и рисунками.

Ученые записки Ленинградского университета, 1949, серия исторических наук, вып. 13, археология

С. Н. Бибиков, *Производственная роль костяного инвентаря* (стр. 12—45).

Статья посвящена, главным образом, рассмотрению костяного инвентаря из крымских пещер, собранного в последние годы, особенно в убежищах Шан-Коба и Мурзакских пещер, собранного в последние годы, особенно в убежищах Шан-Коба и Мурзакских пещер, собранного в последние годы, особенно в убежищах Шан-Коба и Мурзакских пещер. В противовес иностранным ученым, заявляющим об упадке культуры в период перехода от палеолита к неолиту, автор доказывает дальнейший прогресс в культуре и технике изготовления орудий труда. Юг нашей Родины—Крым дает материал, говорящий о некотором превосходстве мезолитической культуры Крыма над европейской и канейской. В мезолитическую эпоху в Крыму получили широкое распространение костяные острья, оснащенные вкладышами (стр. 18—19).

Автор детально рассматривает ряд комплексов костяных орудий; датировка их определяется суммарно — мезолитом, исключение сделано для гарпунов из Мурзак-Коба: «По типологическим признакам они очень отличаются от гарпунов азийского времени, широко распространенных во Франции и Англии и, наоборот, сближаются с верхнепалеолитическими гарпунами с тех же территорий, особенно по типу насадов.

Далее обращает на себя внимание и характер орнаментации в виде параллельных насечек на некоторых изделиях из кости, найденных в Шан-Коба, Мурзак-Коба и Сюренш 1. Этот мотив орнаментации более всего присущ изделиям верхнепалеолитического возраста (табл. III, IV, V) и, как редкое исключение, может быть отмечен в позднепалеолитических материалах. Таким образом, два названных признака как будто говорят о несколько большей древности комплексов из Шан-Коба и Мурзак-Коба, чем азийское и тарденуазское время» (стр. 41).

Автор высказывает ряд интересных предположений о способе крепления гарпунов в древке (стр. 24), о смысловом характере насечек на изделиях (стр. 30), о причинах технического усовершенствования орудий (стр. 40) и др.

А. П. О к л а д н и к о в, *Мастерская каменного века на острове Каменном-Кежемском* (стр. 46—53).

Автор касается определения находок на острове Каменном, на реке Ангаре. Сгруппированные вокруг остатков очага былькинки, кости со следами обработки, набор орудий труда из кремня и сланца представляют собой, по словам автора, необычный комплекс, не имеющий аналогий среди памятников неолита Восточной Сибири. Все вещи относятся к эпохе неолита, к наиболее ранней стадии его развития в Байкальской области — Исаковской. Статья сопровождается определением и подробным описанием найденных вещей.

А. П. К р у г л о в, *Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа* (стр. 111—128).

Эта работа является «попыткой выделения группы наиболее ранних из известных в настоящее время памятников Северо-Восточного Кавказа и определения их места в кругу иных памятников Северного Кавказа и Закавказья» (стр. 111). В основе статьи — материал, добытый экспедициями 1936—1938 гг. Наиболее интересный материал обнаружен в могильнике около чеченского селения Хорочой. Типичны здесь захоронения в каменных ящиках. Вокруг некоторых из них прослеживается круглая выкладка, кольцо из камня. В статье с большой тщательностью восстанавливаются черты погребального обряда и подробно характеризуется инвентарь. Наряду с этим проводится сравнительный анализ материала других могильников, как раскопанных той же экспедицией у селений Гагатль, Дарго, так и ранее раскопанных у станции Кая-Кент. Все эти памятники рассматриваются как единое целое.

Ввиду недостатка материала вопрос о его точной датировке не может быть еще решен, поэтому А. П. Кругловым была предложена рабочая гипотеза о предположительной датировке рассмотренных им памятников предскифским временем — IX—VIII вв. до н. э. и в качестве косвенного подтверждения были привлечены находки кобанского типа (стр. 127). Работа Круглова, несомненно, имеет большую научную ценность.

Б. Б. П и о т р о в с к и й, *Скифы в Закавказье* (стр. 172—190).

Эта статья написана главным образом в плане исследования взаимоотношений между скифами и урартским административным центром в Закавказье. Однако автор не ограничил себя этим одним, самым по себе очень важным вопросом, но сумел в небольшой статье нарисовать широкую картину взаимоотношений скифов со всей Передней Азией. При исследовании вопроса о киммерийско-скифском вторжении последнее представляется «не столько миграцией новых племен с севера, сколько борьбой двух сил Передней Азии: отживающих древневосточных рабовладельческих государств и нарождающейся новой общественной формы» (стр. 174). С проникновением киммеров и скифов в VII в. до н. э. связываются многочисленные наконечники стрел, собранные на местах древних сражений.

На основании археологических материалов, открытых самим автором, очень образно и убедительно восстанавливается картина гибели урартской крепости Тейшебани во время штурма ее скифами (стр. 176—178).

Определив, что именно скифы разрушили крепость, Б. Б. Пиотровский исследует далее вопрос о мирных связях скифов с урартами. Притом к изучению этого вопроса привлекается большой материал различных районов Кавказа, Украины и новейший

материал из раскопок Кармир-блур. Обращает на себя внимание очень интересный и впервые высказанный в нашей науке вывод, касающийся группы скифских предметов, украшенных изображениями священного дерева и крылатых существ: «На основании сказанного следует предположить, что интереснейшие памятники скифского искусства, рассмотренные нами, или изготовлялись скифами под влиянием или же по образцам урартского искусства, или же происходят из тех районов Закавказья и Кавказа, в которых урартская культура была жива» (стр. 187).

Статья Б. Б. Пиотровского очень интересна и глубока по своему содержанию. Однако последняя страница, на которой говорится о «скифской стадии» развития (стр. 188), вызывает большие недоумения. Без сомнения, автор пересмотрит свою точку зрения и откажется от ошибочной «теории стадийности» Марра.

Е. Ю. Кричевский, *Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы* (стр. 54—110).

Этот очерк касается только линейно-ленточной керамики Средней Европы. Данная группа керамики изучалась автором в первую очередь потому, что именно на ней «... удастся проследить последовательное изменение форм сосудов, их орнаментации и связать это с развитием материальной культуры в целом» (стр. 56). Орнаментальное творчество «трипольских» племен Украины должно составить содержание следующих очерков.

Автор, обратив внимание на то, что изучение ленточной керамики иностранными учеными проводилось крайне формалистически, поставил вопрос о магико-религиозном значении орнаментации в целом, об общественном мировоззрении, породившем это творчество (стр. 55). В этом его несомненная заслуга.

Автору удалось показать специфику древней и поздней линейно-ленточной керамики. При характеристике первой группы широко привлечен ряд материалов: статуэтки из глины, шиферные привески, татуировка человеческого тела (стр. 80—87). Доказан религиозный смысл орнаментации древнейшего периода. При рассмотрении поздней линейно-ленточной керамики устанавливается ее локальное разнообразие. Автор и здесь не ограничил себя исследованием одной орнаментации, а рассмотрел и изменение форм сосудов, связав их с новыми потребностями земледельческо-скотоводческого хозяйства и новыми формами домостроительства (стр. 87—88). Отмечается изменение смыслового характера орнаментации, появление и возрастание его декоративного значения (стр. 96) и его связь с объектами окружающего мира (стр. 108—109). Своими методами работы над материалом и выводами данное исследование стоит намного выше формалистических буржуазных исследований.

Большим недостатком работы является стремление опереться на лингвистическую теорию Марра, которая лишь вносит путаницу в аргументацию автора. За счет недостаточного тщательного редактирования, видимо, следует отнестись некоторые повторения, имеющиеся в статье.

М. И. Артамонов, *Этногеография Скифии* (стр. 129—171).

Задача работы, сформулированная автором, «заключается в том, чтобы рассмотреть вопрос о населении Скифии с археологической точки зрения, учтя те указания, какие можно извлечь из различия в погребальных памятниках этой страны для суждения об этническом составе ее населения и об его географическом размещении» (стр. 133).

Вся статья распадается на пять глав. В первой главе (стр. 129—133) формулируется проблема исследования и излагается мнение автора о необходимости привлечения археологического материала для проверки данных Геродота о размещении племен. В качестве важнейших этнографических признаков выдвигаются различия в погребальном обряде.

Вторая глава (стр. 134—149) содержит подробный анализ погребального обряда Нижнего Приднепровья и степного Крыма. Культовый центр степной Скифии — царское кладбище — помещается между Запорожьем и Никоподем (стр. 144). Здесь же утверждается, что катакомбная могила характерна для царских скифов. Автора не смущает тот факт, что Геродот при описании похорон скифского царя описывает

иной тип могилы. М. И. Артамонов объясняет это тем, что в IV в. до н. э. царские скифы перешли к погребальным сооружениям катакомбного типа. Подобное объяснение все же очень сложно и гипотетично.

Глава третья (стр. 149—157) посвящена локализации каллинидов, алазонов и характеристике относимых к ним погребений. Наиболее существенным является локализация скифов-пахарей в Подольи. При установлении последней автор выступает против общепринятого мнения об отождествлении среднеднепровской культуры с культурой геродотовых скифов-пахарей. Среднеднепровское население автор не склонен считать скифским. Из границ Скифии исключается, таким образом, среднее Приднестровье, на западе же эти границы раздвигаются до Карпат и Дуная. Восточной границей Скифии считается река Дон (стр. 157).

Глава четвертая (стр. 158—165) рассматривает нескифское население в рамках «очертанных Геродотом и памятниками скифского типа». Наибольшее внимание уделяется будинам, которые «обнимали всю область распространения среднеднепровского типа погребений скифского времени» (стр. 162). Тесно примыкающими к будинам считаются гелоны, андрофаги, мелахлены. Их культура сходна с культурой скифов-пахарей.

Глава пятая (стр. 165—171) посвящена рассмотрению вопроса об этническом единстве скифов. Устанавливается этническое различие между западнскифским земледельческим и нижнеднепровским кочевым населением (стр. 166). Автор выдвигает предположение о родственности языка царских скифов с сарматским и об этническом родстве западных скифов с северофракийским населением и среднеднепровскими гелонобудинами. Большое внимание уделяется анализу легенды о происхождении скифов, приведенной у Геродота.

В заключение автор утверждает, что генетические связи славян имели место лишь с западной, земледельческой частью скифов, а многочисленное племя будинов являлось важнейшим компонентом будущих восточных славян.

Статья М. И. Артамонова призывает исследователей к пересмотру вопроса об этногеографии скифских племен. Вопрос этот очень спорный, и количество его решений едва ли не соответствует числу исследователей, им занимавшихся. Новые его решения, выдвигаемые М. И. Артамоновым, нельзя безоговорочно принять. Сомнительно, можно ли различия в погребальном обряде считать важнейшим этнографическим признаком и только на этом факторе основывать все исследование, как это пыгается сделать автор. Одного этого, как нам кажется, недостаточно; требуется сравнительное изучение всего комплекса известных нам памятников.

Е. П. Алексеева, *Позднекобанская культура центрального Кавказа* (стр. 191—257).

Статья почти целиком посвящена описанию и характеристике инвентарей погребений. Рассмотрение этих памятников проводится по двум группам — восточной и западной. Памятники хронологически делятся на позднекобанскую I и позднекобанскую II. Инвентарь рассматривается очень подробно; учитываются различные точки зрения на его датировку. В последней автор во многом основывается на выводах покойного Е. И. Грунинова.

В ходе изложения материала даются также локальные варианты позднекобанской культуры (например, Дигорская культура, стр. 233 сл.). Устанавливается сходство и различие между западным и восточным районами. Автором бесспорно проделана большая работа по систематизации и публикации материала. Последний хорошо иллюстрируется представленными таблицами. Однако в ходе исследования Е. П. Алексеева сузила поставленные перед собой задачи: если вначале обещается всестороннее освещение проблемы поздней Кобани (стр. 191, 194), то в конце задачи сводятся только к систематизации, датировке материала и введению его в научный обиход. В силу этого выводы представлены недостаточно полно. Кроме того, они содержат ряд неверных положений, вытекающих из основной установки автора о «скифском и сарматском этапах общественного развития», к которым приурочивается ею позднекобанская культура (стр. 192); автор исходит из порочной теории Марра о стадильности. Влия-

ние скифских элементов в позднекобанской культуре объясняется «скифской фазой» развития общества (стр. 238), а сарматских — «сарматской стадией» (стр. 240). Правда, сам автор, видимо, чувствуя несостоятельность такого объяснения, допускает территориальное проникновение скифских племен на Кавказ (стр. 238). Не совсем ясно представлены в заключении причины затухания позднекобанской культуры.

Вестник Ленинградского университета, 1949, № 9

Б. В. К а з а н с к и й, *Возникновение театра* (стр. 43—65).

Эта статья представляет собой пересмотр результатов раскопок святилища Диониса под южным склоном афинского Акрополя. Автор подвергает критике концепцию буржуазной идеалистической науки о культовом происхождении театра и драмы.

На основании детального анализа последних археологических открытий, опубликованных Фихтером, Б. В. Казанский пришел к выводу о том, что исследования Фихтера несколько не подвинули вперед нашего понимания становления театра (стр. 53). Даже напротив, многие положения, выдвинутые Фихтером, являются безусловно ошибочными: таково отрицание следов орхестры, определение первоначального театрального здания как скенотеки — сарая для хранения балок и досок амфитеатра и др.

На основании материала раскопок других театров Греции и сопоставления их с текстами древнейших драматических произведений автор статьи сумел дать убедительное и правдоподобное толкование фундамента «Т», не понятого буржуазными археологами. Первоначальной орхестрой была городская площадь. Наличие храма Диониса было необязательным. Сооружаемый храм сознательно изолировался от театра, как это было и в святилище Диониса под Акрополем. Обязательным был лишь алтарь городских богов, бывший символом гражданской общины и находившийся на городской площади. Распорядителем представлений являлся не жрец Диониса, а глава государства, архонт-эпоним (стр. 61). «Не культовая площадка при храме Диониса с его алтарем посередине ее была началом сцены, а городская площадь с алтарем государственных богов как символом государственности и центром гражданской жизни города. Святилище Диониса под Акрополем было не материнским лоном, а только колыбелью театра, как и самый культ Диониса был только колыбелью для драмы» (стр. 65).

Вестник Ленинградского университета, 1949, № 2

П. И. Б о р и с к о в с к и й, *Изучение палеолита в Советском Союзе* (стр. 75—88).

Автор подробно останавливается на огромных достижениях советских археологов в деле изучения важнейших проблем, связанных с палеолитом: проблемы первого заселения человеком территории СССР, территории распространения и хронология поселений, изучение костных остатков древнейшего человека, общественного строя и поселений, палеолитического искусства и идеологии. В результате плодотворных работ советских археологов число известных палеолитических местонахождений на территории нашей Родины превысило 300 вместо 12, известных до 1917 г. Советская наука о палеолите, вооруженная марксистско-ленинским научным методом, в своем развитии значительно опередила зарубежную науку.

Воронежский государственный университет, Научная конференция 1950 г., секция историко-филологическая (Воронеж, 1950 г.)

А. Н. М о с к а л е н к о, *К вопросу об изучении Гольмиевского городища* (стр. 23—26).

Небольшое сообщение А. Н. Москаленко посвящено археологической разведке 1949 г., проведенной силами работников Воронежского университета и Музея краеведения по изучению памятников Воронежской области. Наибольший интерес пред-

ставляют результаты обследования Гольшевского городища, расположенного на окраине села Архангельского. Обычно дореволюционные и советские русские ученые сближали его с Боршевским городищем и датировали IX—X вв. Автор статьи, обратив внимание на систему укреплений Гольшевского городища, высказала интересное предположение о том, что длинные внешние валы, не типичные для славянских городищ, напоминают скорее городища скифской эпохи.

Экспедиция 1949 г. обнаружила на городище, наряду со славянской керамикой, керамику скифского времени, аналогичную той, которая находилась на поселениях-зольниках IV—II вв. до н. э. в бассейнах реки Ворсклы и Сейма. Автор выдвигает предположение о том, что на территории Гольшевского городища до славян жили скифы, которые и соорудили внешние валы (стр. 26).

*Труды Узбекского государственного университета,
1949, Новая серия, № 39*

Д. Н. Лев, *Древний палеолит в Аман-Кутане (предварительное сообщение)* (стр. 3—47).

Автор касается главным образом исследования открытой в 1947 г. в Бул-буль-Зарсае пещеры, условно названной по кишлаку Аман-Кутан. В пещере было найдено большое количество костей ископаемых животных, намеренно расколотых человеком, следы от древнего очага в виде угольков и камней, покрытых копотью. Найдены также орудия из кварца: обломок листовидного орудия, ножевидное орудие, скребло и др., изготовленные «не мустьерской техникой — скалыванием отщепов от дисковидных нуклеусов, а более примитивной техникой „дробления“ желвака» (стр. 43).

Наиболее интересны и ценны находки костей человека в сталагмитовых глыбах. Результаты исследования этих костей обстоятельно излагаются автором. Найденный ископаемый человек из Аман-Кутана древнее неандертальского или мустьерского (стр. 44). Автор верно подчеркивает огромную важность этого открытия для выяснения происхождения людей современного типа, возникновения рас и т. д. На основании тщательного исследования материала автором даются важные выводы о составе ископаемой фауны (стр. 28) и о стабильности климата в Узбекистане, начиная с раннечетвертичного времени.

Наукові Записки Одеського пединститута, 1950, т. IX

М. С. Синицын, *Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга* (стр. 51—67).

Автор справедливо указывает на недостаточную изученность двух важных вопросов: «Самые крупные лакуны в наших представлениях — это провалы в знаниях между верхними слоями усатовской культуры и началом скифской эпохи, с одной стороны, и между верхним слоем сарматской культуры и ранними славянами — с другой. Нам кажется, что эти крупнейшие лакуны — результат недостаточных полевых исследований и излишней осторожности исследователей» (стр. 51). К сожалению, это важное утверждение несколько повисает в воздухе — автор в дальнейшем к нему не возвращается. Далее автор сообщает об исследовании ряда районов археологическими разведками. В ходе изложения дается проверка данных древних авторов и ранее сделанных выводов русских ученых о локализации тех или иных населенных пунктов. Древняя Фиска предположительно локализуется автором возле трех пунктов: Овидиополя, Санжейки и Бугаза (стр. 56). Проверяются данные о локализации гавани Иснаков и т. д.

Исследованные районы были чрезвычайно густо заселены в скифо-сарматскую эпоху. «При этом следует отметить, что материалы, главным образом керамические, как местного, так и заморского производства, совершенно аналогичны находимым не только в северо-западном Причерноморье, но и на территории от Северного Кавказа до Одера и истоков Дуная» (стр. 55).

Говоря об изучении памятников местной культуры, автор подчеркивает, что даже в древних городах эллины не смогли поглотить элементов местной культуры. «Личные наблюдения на Нижнем Днепре и Буге, по берегам одесских лиманов дают основание утверждать, что найти античные материалы без туземных памятников в нашем крае немыслимо» (стр. 60).

Археологические разведки, при участии или руководстве автора, сделали много для исследования края. Однако обработка полученного материала в данной статье является, как нам кажется, только предварительной, предполагающей дальнейшее более углубленное изучение его. Большим недостатком является отсутствие при статье карты — она могла быть частью той карты археологических памятников, на необходимость составления которой так настойчиво указывает сам автор (стр. 66).

Ученые записки Томского пединститута, 1949, том VII

Г. В. Трухин, *Археологическая разведка в урочище «Шеломок» близ села Коларово Томского района* (стр. 143—175).

Эта статья является предварительным сообщением о работе экспедиции 1946 г., проведенной силами Томского государственного педагогического института и Томского государственного университета в окрестностях города Томска. Статья содержит подробные данные о методике работ: на высоком холме были проведены три разведочные траншеи, из которых самая большая — длиной в 36 м. Траншеи раскапывались по квадратам 3×3 м. Городище, защищенное рвом и симметричным валом, имеет незначительный культурный слой — 0,40—0,65 м. Среди находок особенно многочисленны фрагменты разнообразной глиняной посуды. Ряд фрагментов относится к карасукской культуре. Среди большого количества костей животных найдены костяные изделия: наконечники стрел, проколки, рыболовные иглы. Из бронзовых изделий особенно интересно фрагментированное прорезное изображение аргала, относимое автором ко второй стадии тагарской культуры. Каменная индустрия представлена слабо: чаще всего это кремневые сколы, каменные грузила для сетей и каменные песты от зернотерок.

В предварительных выводах автор датирует находки ранним железным веком, оговаривая, что в нижних слоях имеются предметы бронзовой эпохи; керамику он сравнивает с керамикой Чулымского, Басаидайского и Тояновского городищ. Исходя из незначительной толщины культурного слоя, автор выдвигает гипотезу о том, что на городище не жили, а пользовались им лишь в момент нападения врагов (стр. 149). Предположение это явно нуждается в дополнительной проверке.

К сообщению прилагается подробный сводный дневник (стр. 150—158), опись находок (стр. 159—175), планы и фотографии основных находок.

Ученые записки Свердловского пединститута, 1948, вып. 4

Е. Г. Суров, *Херсонесские цистерны* (стр. 3—47).

Данная статья представляет собой подробную публикацию архивных данных о рыбозасолочных цистернах. В работу вошли материалы раскопок с 1888 г. по 1937 г., относящиеся к семидесяти семи цистернам. Автор совершенно верно подчеркнул огромное значение публикуемых им материалов для выяснения экономики Херсонеса и, надо отдать справедливость, проделал большую работу по их собиранию. Однако обработка материала и выводы, которые автор делает на основе анализа архивного материала, представляются нам недостаточными. Они чрезмерно лаконичны и сжаты.

Автор присоединяется к мнению Г. Д. Белова о том, что цистерны описанной в статье конструкции (прямоугольные в плане с плотной, водонепроницаемой облицовкой из цемянки) являлись сооружениями, предназначенными не для хранения воды, а для засолки рыбы (стр. 41). Интересно наблюдение о том, что при закладке цистерн, так же как и при размежевании земельных участков на Гераклеяском полу-

острове, херсонесцы не применяли ни греческих, ни римских мер длины, а какие-то особые меры, может быть, «шаг» в 0,666 м (стр. 43).

Поскольку сам автор обещал дать «поисильное объяснение» (стр. 3) представленного им материала, желательно было бы дополнительное привлечение им ряда других источников: свидетельств древних писателей, а также аналогий из других городов Северного Причерноморья. Цистерны рассматриваются изолированно, вне связи с теми наземными постройками, которые окружали их и были с ними связаны. Желательно было бы, хотя бы в единичных случаях, предпринять попытку реконструкции этих построек, так как они вместе с цистернами представляли единый хозяйственный комплекс. Следовало бы также несколько расчленить довольно общую и суммарную датировку, под которую подводятся все 77 цистерн (стр. 44). Недостаточно обоснованным выступает тезис об отсутствии в Херсонесе концентрации рыбного промысла в руках отдельных владельцев (стр. 42). Архивный материал о херсонесских цистернах возбуждает огромный интерес, ибо он может пролить некоторый свет на мало изученную экономику города, но, к сожалению, в данной статье роль рыбозасоленного дела в хозяйстве Херсонеса осталась недостаточно выясненной.

Г. А. Цветаева

С. КОНДРАТЬЕВ и А. ВАСНЕЦОВ, *Aula linguae Latinae*. «Книга для чтения по латинскому языку». М., 1950, 128 стр., цена 2 руб.

«Книга для чтения по латинскому языку» для 10 класса средней школы предназначена заполнить большой пробел, существовавший до сих пор в учебной литературе. «Книга для чтения» — важное дополнение к вышеупомянутому впервые в 1948 г. теми же авторами учебнику латинского языка для 8—10 классов, в свое время вызвавшему оживленные отклики в печати, как положительные, так и отрицательные, но в общем свидетельствующие о крайней необходимости нового учебника латинского языка и отметившие принципиально новый подход авторов к вопросу преподавания латинского языка в советской школе. Максимальное оживление, приближение материалов учебника по древнему языку к современным задачам — составляют особенно положительные черты упомянутого учебника.

По этому же пути продолжают идти авторы в своей новой работе: «*Aula linguae Latinae*». В предисловии они сформулировали свою точку зрения следующим образом: «Наши школьники пойдут в разные вузы, но всюду они встретятся с терминологией, взятой из древних языков, часто они будут иметь дело и с номенклатурой на латинском языке. Мы должны их в некоторой степени к этому подготовить. Поэтому в „Книге“ даются отрывки из разных областей знаний и даже разных эпох... Но чему бы мы ни учили, важнейшей нашей задачей является воспитание любви к своей Родине и гордости ею. Поэтому большая часть взятых нами отрывков относится к истории нашей Родины и ее выдающимся деятелям. Мы отказались от традиционных „Описаний Галлии“, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу обычного советского школьника, и заменили их описанием жизни нашей родной страны в античную эпоху и средневековье. В „Книге“ уделено внимание и античной латыни» (стр. 2).

Рассмотрим ее содержание: «Книга для чтения» состоит из трех разделов и краткого алфавитного латинско-русского словаря. Отрывки из классических и средневековых авторов, а также из сочинений нового времени снабжены относительно подробными историко-биографическими введениями на русском языке. Непосредственно после каждого хрестоматийного текста, под рубрикой «примечания», следуют построчные словари и краткие историко-филологические комментарии. Несомненной заслугой авторов является привлечение внимания учащихся к истории нашей Родины, которой и посвящен раздел I: «Древние и средневековые писатели о нашей Родине». Этот раздел открывается большим отрывком из описания Скифии Геродота в средневеко-

вом переводе, далее следует отрывок о Скифии из Юстина, «Зима у гетов» Овидия и чрезмерно большой отрывок из «Трактата о двух Сарматиях» польского средневекового писателя Меховского. Такой подбор материала сразу привлекает внимание учащегося, связывает изучаемый предмет с близкими, известными ему фактами. Этот методический прием изучения латинского языка следует всячески приветствовать. Однако раздел, хорошо задуманный авторами «Книжки для чтения», по нашему мнению, нуждается в переработке. Нельзя начинать первую книгу для чтения на латинском языке средневековой латынью, да еще в виде перевода из греческого автора, хотя бы и столь знаменитого, как Геродот. Отрывки из трактата Меховского о Московском государстве следует значительно сократить за счет введения в хрестоматию отрывков из других средневековых латинских авторов, писавших на ту же тему. В заключение следует отметить ненормальное соотношение в этом разделе между классической и средневековой латынью (3 страницы классической и 24 страницы средневековой). Хотя классических латинских текстов о Скифии и мало, но все же они есть. Можно было бы несколько увеличить размеры отрывка из Юстина, кое-что выбрать из сочинения Помпония Мелы «De chorographia». У Квинта Курция Руфа есть интересные данные о походе Александра и о сопротивлении ему народов Средней Азии. Конечно, подобранные отрывки следует подвергнуть некоторой обработке, как это сделали авторы «Книжки для чтения» с текстом Меховского. Попутно следует указать, что прошлое нашей Родины трактуется несколько ограниченно, так как все подобранные в хрестоматию тексты относятся только к народам европейской части СССР. Раздел II: «Литературные памятники Рима», т. е. тексты, написанные на классической латыни, следует расширить и дополнить все-таки отрывками из Цезаря и, например, — Саллюстия, как более простых в филологическом отношении авторов. Указанными отрывками и удобнее всего было бы начать этот раздел. Отрывок же из поэмы Лукреция, которым начинается раздел в рецензируемом издании, филологически труден.

Большой интерес представляет раздел III: «Латинский язык в работах русских ученых», представленный отрывками из переписки М. В. Ломоносова и приветственным словом академику И. П. Павлову в Кембриджском университете. В данном случае перед нами примеры применения латыни в XVIII и XX вв. Число таких примеров, конечно, надо увеличить; притом следовало бы дать их в отрывках не из переписки, а именно из научных работ.

Рассмотренная нами хрестоматия действительно отличается от всех издававшихся ранее широтой охвата материала, стремлением показать жизнь и использование латинского языка в послеримское время. В последующих изданиях, которые, без сомнения, будут необходимы, ее следует расширить. Начинать хрестоматию лучше отрывком из сочинения коренного латинского автора классического периода, а не средневековым переводом Геродота, который можно несколько сократить. Из последнего следует исключить, как мало удовлетворительный с педагогической точки зрения, отрывок о «кровожадности» скифов.

В предисловии авторы обещали познакомить учащихся с терминологией, взятой современными науками из латинского языка. Это очень полезное начинание все же выполнено авторами пока недостаточно и требует в дальнейших изданиях более обстоятельной разработки, в результате которой должен особенно увеличиться в размерах последний раздел хрестоматии.

Перед нами вполне современная, т. е. отвечающая потребностям советской средней школы, книга для чтения по латинскому языку, в которой преодолена историческая ограниченность, точнее — антикварность, обычно свойственная хрестоматиям по древним языкам. Непосредственным следствием этой антикварности и был пониженный интерес учащихся к латинскому языку, как к чему-то встхому, отжившему. Совсем иное, возбуждающее интерес учащихся содержание мы видим в разбираемом пособии. Хотелось бы только, чтобы авторы несколько увеличили число примеров, иллюстрирующих применение латинского языка в наше время.

Н. Н. Пикус